

РЕЛИГИЯ ТАНЦУЮЩИХ

ДЕТЕЙ

О. ТАЛАНТОВА

Ольга Талантова

Религия танцующих детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30796016

SelfPub; 2022

Аннотация

Сборник состоит из 29 рассказов (детей), сюжет которых друг с другом не перекликается. Это абстрактные рассказы-калейдоскопы в форме философских миниатюр и притч на тему любви, поиска своего места в мире и смысла жизни. Религия танцующих детей – Это бунт против всего мира, Это одна религия на целую Вселенную, Это закрыть глаза и танцевать, Это превратить сердце в птицу и отпустить.

Ольга Талантова

Религия танцующих детей

ребенок 29 / вода

Вода.

Мой друг приходил ко мне каждую ночь и мягко садился на край кровати. Он бесшумно опускался на одеяло. Я просыпался только от топота непослушных ресниц на щеках.

Мой друг молчал. Он был водой всего земного шара. Из него пили антилопы, в нем спали крокодилы, плавали корабли и рыбы, зоркие путешественники искали неизведанные материки.

Вода сотрясалась от цунами, ураганов и бурь. Вода спасала людей и губила их.

Однажды мне стало интересно, насколько глубоок мой друг. Я до сих пор не достиг дна.

Ты знаешь, сколько ветра потребовалось, чтобы вернуть тебя, друг?

В мире больше никогда не закрутится ни одной ветряной мельницы.

К моей ноге приплыла крошечная белоснежная ракушка.

Я взял ее в руки. Ракушка запела мне о своем доме в далеком-далеком море на краю Земли.

– Но ведь мой друг – вся вода мира, значит, он твой дом! Почему же ты тоскуешь?

– Я тоскую, потому что он этого не знает.

Молчание моего друга накрывало возмущенной волной всех людей, которые ждали его слов. Ночь разбрасывала по его блестящей коже свои кудрявые волосы.

Я положил ракушку в карман. Ей и моему другу есть о чем помолчать друг с другом. Мой друг приходил ко мне каждую ночь и мягко садился на край кровати. Вместе с ним приплывал зной Африки и пески бездыханных пустынь.

Высохшим путникам снился оазис. Верблюды опустошали свои горбы, чтобы спасти людей и больше никогда не выбраться из зыбучих песков. Я смотрел в сонные глаза верблюдов. Они складывали свои тонкие ноги пополам, жгли свои мягкие животы на песке, иногда, когда нет ноши – нет смысла идти. Я смотрел в сонные глаза верблюдов, на их уставшие стрелки ресниц – я не видел ничего, кроме солнца, солнце ело их глаза.

– Где же вся твоя вода, друг?

Мой друг молчал.

Друг срывал с себя рубаху.

Вся комната – в воде.

Весь мир – в воде.

ребенок 28 / на Луне

На Луне.

Мы танцуем на Луне.

Луна переворачивается.

Я увидел твои глаза во сне.

И больше не смог их забыть.

Цвета Луны.

Твои волосы переливаются в серебряном блеске, будто море. Кажется, я даже слышу шум волн. Кажется, даже соленые брызги попадают на мое лицо.

На Земле сейчас день. Наш танец никто не видит. Если только кто-то, скучающий по тебе, видит тебя во сне. На Земле все видят сны. Пока мы с тобой танцуем. Это самые лучшие минуты, о которых знаем только мы. Другие это называют пятнами на Луне.

Твои глаза встречают рассвет. Именно тогда ты от меня исчезаешь. Падаешь на Землю. Я остаюсь на Луне. В моей жизни ничего не происходит. Всего лишь умирают и рождаются звезды, мимо проплывают хвостатые кометы, черная дыра ест млечный путь.

Я брожу по кратерам своей бесконечной Луны и отсчитываю твои земные часы. Люди придумали время, и сами же теряют его. А я даже не знаю, помнишь ли ты меня там, на своей далекой Земле. Днем мою Луну не видит никто, кроме меня. А кто видит, тот, скорее всего, сам ни раз падал с нее.

Ты каждое утро падаешь.

Если бы я мог не отпускать тебя.

На твоей Земле снова темнеет.

Солнце прощается.

Мы снова танцуем на Луне. Луна переворачивается. Но мы не падаем. Наверное, нас держат твои лунные глаза.

Однажды мне снился сон. Когда-то и мне снились сны. В них были настоящие поля с синеглазыми ирисами, гарцующие лошади с развивающимися на ветру гривами, спящие вулканы и пробуждающиеся пустыни, – а не сплошные кратеры.

Но я все равно люблю свою Луну. На ней нет сказок о драконах. Никто не строит дома, похожие на соты. Не диктует законы. Не рисует зебр на дорогах. Потому что здесь нет дорог. И зебр тоже нет.

Но только когда на Земле – день. Когда засыпают люди, Луна превращается в планету снов. На Луне собираются сны каждого человека.

Моя планета проявляется все ярче и ярче от увиденных снов. Если бы кто-нибудь знал, как тепло мне бывает в момент, когда Земля становится все темнее и темнее, а Луна – ярче, ярче, ярче.

Может быть, наш с тобой танец на Луне – просто твой земной сон. Но твой земной сон – моя лунная жизнь.

Тогда я счастлив.

Ты помнишь, когда я впервые пригласил тебя на танец?

Тебе снился океан. Ты была на острове. Ничего, кроме ветра. Ты так давно не слышала музыки. А я – каждую ночь.

Помнишь? Я протянул тебе руку. Ты не разглядела ее в темноте, но все-таки пошла за мной.

Помнишь первый звук нашего танца? Нет. И я нет.

Я помню только твои глаза цвета моей планеты.

Я никогда не верил, что где-то во Вселенной есть такие глаза.

А тут – Луна в глазах простого человека.

Моя планета.

Я думал, что упаду с Луны. Неужели, я живу не на планете, а в чьем-то зрачке? Нет, нет, нет. Оказывается, можно увидеть целую Вселенную в глазах человека. А вместе со Вселенной – свой дом.

Мы танцуем на Луне.

Луна переворачивается.

Я обыкновенный лунный человек.

Никогда от меня не улетай.

ребенок 27 / все просто

Все просто.

Что за мелодию ты напевала?

Мы сидели колено к колену.

Я настукивал носком ботинка бипоповое тебе о потертую

штанину, белозубый трубочник набирал в живот столько воздуха, что становился похож на дирижабль.

Ты смотрела в запотевшее окно и представляла его нараспашку, и кричащих за дрожащими стеклами чаек.

Твоим теплым птицам нисколько не мешала зима.

Если бы я наклонился всего на пару сантиметров, то мог бы поцеловать твое колено.

Но я не наклонялся.

Потому ты меня и любила.

А я тебя.

Эффект прикосновения без прикосновения.

/ Внутри меня вишневые деревья раскидываются своими переспевшими детьми. Хватай, ешь.

Что за мелодию ты напевала?

Ты мягко дрожала от холода, но больше от урчащей внутри себя музыки, я не разбирал мотива, но влюблялся каждую секунду все глубже и глубже в плавающие ледниками тени от ресниц на твоих щеках.

Где-то во вселенной еще одни мы смотрим друг на друга и не видим границ; ты моя пустота; а ты моя пустота.

Если бы я немного прислушался, то мог бы подпевать тебе. Но я не прислушивался. Потому ты меня и любила. А я тебя. Эффект близости без близости.

/ Внутри меня жила целая страна, каждый житель которой больше своей жизни любил тебя. Они были настоящими патриотами и смотрели друг другу только в глаза.

Все просто.

ребенок 26 / все мои беспощадные кролики

Все мои беспощадные кролики.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь лишь для того, чтобы облегчить путь обратный.

В моей груди есть крохотная дыра, похожая на кроличью нору. От каждого стука сердца нора то расширяется, то сужается. Она похожа на живую. Даже я сам не умею настолько скоро и уместно реагировать на биение.

Я не знаю, живет ли в моей норе кто-то. Может быть, она давно пустует. Но по ночам, переворачиваясь во сне, я замечаю на подушке солнечные блики. Нора излучает домашний свет. Также уютно горела лампа в доме моей бабушки, когда она вязала свитера и пела свои теплые скрипучие песни с привкусом топленого молока и горячих лепешек. Тусклый свет дает надежду, что я по-прежнему не одинок.

Если очень близко поднести к норе ладонь, можно здорово обжечься. Наверное, внутри меня живет крайне стойкий кролик. Нет-нет-нет, сомнений быть не должно: костер не зарождается сам по себе.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь

лишь для того, чтобы облегчить путь обратный. Чтобы пробраться поскорее, каждый делал нору шире и шире. Ох уж все мои беспощадные кролики.

Каждого я отпустил и больше никогда не пытался вернуть. Мои чувства не мячик для настольного тенниса. Нет. Спасало меня лишь то, что каждый хотел забраться пошире, но не поглубже. Иначе прощай, мое бездонное сердце!

Определенно, в норе остался один кролик. Но как я ни пытаюсь его достать, ничего не получается. По-прежнему, по ночам я замечаю на подушке солнечные блики и беззащитное тепло.

Внутри живет крайне стойкий кролик. Он забрался глубже всех. Пока он в норе, можно отпустить свое сердце. Оно в безопасности.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь лишь для того, чтобы облегчить путь обратный.

Только не ты.

ребенок 25 / я выбираю себя

Сижу в самом центре огромной пустой комнаты в бездонном своем одиночестве. Сижу в позе молодого лотоса. Я наг и смел. Передо мной – сложенная из желтой бумаги птица. Я наслаждаюсь своей тишиной. Я люблю свою птицу. Я убаюкан комнатой без дверей.

В комнату заходит первый человек. Человек приносит дверь, которую сможет открыть только ветер. Человек закрывает дверь. Моему одиночеству не выбраться. Одиночество больше не увидит солнечного света.

В комнату заходит второй человек. Человек приносит стул и стол. Человек сажает меня на стул, холодный и жесткий. Руки мои оказываются на столе, сложенные в качели, деревянно. Любимая птица в центре стола.

В комнату заходит третий человек. Человек приносит чистые листы бумаги. Складывает из одного листа белое нечто и говорит "твоя птица не правильная, вот правильная птица, учись". Человек отдает мне стопу листов, сминает мою желтую птицу и уходит. Птица как птица была.

В комнату заходит четвертый человек. Человек приносит костюм. Надевает на меня. Костюм мал. Человек злится, но все же застегивает рубаху на все до одной пуговицы. Пиджак еле держится, чтобы не разбежаться от меня в разные стороны. Человек говорит "совсем другое дело, теперь будешь нормальным человеком". Странная нормальность, когда ты ее перерос.

В комнату заходит пятый человек. Человек приносит ярость. Человек злится, потому что я не сделал ни одной правильной птицы. Они все в моих руках отчего-то превращаются в желтых. Человек собирает всех неудачных птиц в охапку и громко уходит. Безумие какое-то, моя яркая любимая стая.

В комнату заходит шестой человек. Человек несет иглу и катушку ниток. Мой костюм потрескался на плечах, верхняя пуговица рубахи отскочила и прыгнула на мои неподвижные руки. Человек мечтает снова собрать в единое мой костюм. Я мечтаю, чтобы его игла сломалась пополам.

Я знаю: если очень сильно мечтать, то исполнится. Игла ломается. Человек злится и уходит.

Мое одиночество крепнет с каждой выпущенной из шва ниткой.

Где-то желтые птицы набирают высоту.

Стул трещит, стол трескается, дверь вылетает из петель и шатается сбегаящим зубом.

Я выбираю себя.

ребенок 24 / S

Я собирал в своей руке миллиард атомов миллионов людей с особенным стуком сердца. Когда я засыпал, стук сердца выбрасывал меня из кровати в окно. Я разбивался о мостовую. Тогда сердца улетали в разные стороны.

Первый человек выпустил свое сердце в Атлантический океан. От горького всплеска все чайки попадали камнями на берег. Человек расстроился и каждую ночь вплетал в свои волосы утренний их крик, только потому птицы оживали.

Второй человек раздал свое сердце по артериям всем детям высыхающей Африки. Дети хватали артерии и разбежались дышать. Иногда артерии тосковали друг по другу и обнимались крепче плит пирамиды Хеопса, да так крепко, что дети превращались в песок. Тогда человек расплетал свое сердце и больше никогда не пел ему песен.

Третьего человека я снял с солнца. Его кожа была углем, он трескался и стонал. Человек без пауз и вдохов благодарил за то, что его оторвали от надоедливого светила. Потом он перестал дышать и разлетелся в пепел. Человек не знал, что солнце и есть его сердце.

Четвертого человека я звал по имени, которое каждое утро менялось. Честно говоря, тяжелее всего было его отыскать ночью, когда он уже не Карл, но еще не Франц. Его забывали, не успев познакомиться. Свое сердце человек забывал где попало: то на сиденье трамвая, то в переходах метро, то забывал провести с собой через пешеходный переход. Однажды, выходя из трамвая, человек позабыл свое сердце, а я не сказал ему об этом и увел стучаще-теплое с собой.

Пятый человек забрался на самую высокую гору на планете и уверял каждого, что гора – это и есть весь мир. Когда сердце кричало ему об абсурде, человек стонал и прыгал с горы. Сердце каждый раз его возвращало на вершину, прощало, грело в ледяном доме, убаюкивало стуком.

А однажды сердце перестало биться и рассыпалось. Человек спустился с горы, в память о своем разбитом сердце, раздал его куски детям в теплых смешных шапках (шапки были без помпонов, но все-таки очень смешные, человек тогда подумал – "это у них наверное глаза такие смешные и теплые, на самом деле их не существует", а потом он моргнул и дети оказались без шапок и не детьми, а стариками), поднялся на вершину горы и спрыгнул с нее.

**

Моя ночь давно не включала звезд. Я иду по танцующему льду. Не знаю, где же я. Выбрался подышать перед сном, но так и не надышался.

Я волочу за собой грустный тяжелый рюкзак, который пульсирует от пустоты вселенной.

Чей это стук? Это я бьюсь, переталкиваюсь из одного кармана в другой, мечтаю взлететь. Кажется, каждый толчок – бунт сверкающего прошлого против блеклого будущего.

Ни одному, даже самому безветренному сердцу, не вынести гарцующей боли без стоны, не избежать периода вечной мерзлоты.

*

Когда я засыпал, стук сердец выбрасывал меня из кровати в окно. Я разбивался о мостовую. Тогда сердца улетали в разные стороны.

ребенок 23 / религия солнца

Моё тёплое пшеничное солнце.

Танцует под ногами

Когда я пою.

Дребезжит мелкими разноцветными осколками.

"На мне столько тусклых пятен, что хватит залатать чёрную дыру" повторяет солнце за мной.

И я падаю на подсолнечную землю, в самый центр бездонного роя из желторотых головок. Каждая из них покачивается. У каждой есть история для моего легкого небесного сердца.

1 / л

Нет.

Меня выбросило на берег волной размером с твой зрачок.

Я плыл на лодке, спал под семьями звезд, танцевал на каждом встречном материке.

Я был счастливый.

Улыбался. Моя кожа загоралась от луны и блестела на

солнце.

Я не видел ни одного цветка, который мог бы сорвать для тебя.

Зато познакомился с касаткой, которая переплыла внутрь.
Быть тебе радостью.

Да.

У каждого человека свой путь.

То, что человек не может считать своим путём другого человека,

– это бред.

В школе меня учили цифрам на обиженных детях (у девочки три яблока, у мальчика семь, на сколько яблок обиднее девочке). Это ложь.

Ты путь, который сам выбрал меня.

Быть мне домом

На краю земли.

Я принесу в себя книги, шерстяной плед и зимнее морозное утро.

Чтобы ты оставалась во мне.

3 / 6

Внутри меня море.

Выбивается из берегов и раскидывается мокрым песком в небо.

Я люблю тебя.

Промокшими листьями с запахом фламенко в меня ложатся воспоминания цвета уставшего воздушного змея.

Бархатные мамины руки вдоль шеи и по ключицам. Когда я засыпаю любимым и живым.

Ребра выстукивают ритм швартующихся внутри тебя кораблей.

Кто я, если не якорь?

Просыпаюсь от крика чаек.

Внутри меня моё море убаюкивает твои корабли.

Я люблю тебя.

4 / л

Возможно, я бы и хотел забыть твои руки. Когда они закрывают мои глаза будто морские волны крылья чаек. Или как пахнут по утрам сорванные тобою, по-цыплячьи задорные, цветы.

Возможно, я бы хотел, чтобы твои травяные глаза стали снова просто цвета лета, а не травяное лето – цвета твоих глаз.

Как прежде, наблюдать за фарфоровыми шеями впереди сидящих девушек, подслушивать их щекотные секреты на ухо друг другу и разлетающийся тополиным пухом смех.

Каждый вечер читать свои любимые книги, а по выходным пить чай с малиновым вареньем в папином доме, ходить в кино с одним билетом и никого не спрашивать "тебе не холодно?".

Но если отбросить все "бы".

Нет, никогда не хотел.

2 / 5 / ю

Этот очаровательный огромный шар.

Перекачивается под ступнями.

Я живу головой вниз.

Вывернутый наизнанку.

Счастливый.

У меня нет дома на колёсах.

Но мой дом везде.

Меня научили отдавать себя без остатка словно кофейный росток, улыбаться небесам словно пшеничное поле, названиям всех созвездий словно я сам созвездие, цитатам из полетных дневников Экзюпери словно я сам – слово.

Тому, кто меня поймает, я бы пообещал вечно танцующее сердце.

По утрам оно бы раскрывало ставни к объятьям солнца, по вечерам – распахивало бы дверь и обнимало за плечи теплее зефира, по ночам бы рассказывало о преданности прыгающих пингвинов и ласке испуганных фламинго.

Тот, чьи глаза улыбаются, никогда не знал, что такое тепло.

И вот он стоит, у порога. Ждёт, пока распахнется дверь.

Ловит своими смеющимися глазами моё вальсирующее по потолку сердце.

Пойманный и собранный в гербарий,

Открываю дверь.

Моё тёплое пшеничное солнце

Ждёт рассвета, когда желторотые головки будут любо-

ваться им.

И тобой.

Моё легкое небесное сердце.

ребенок 22 / моя птица будет летать

Моя птица никогда не будет летать.

У неё маленький острый клюв из меди.

Каждое перышко крыла звенит теплее ветра.

Моя птица ночью не спит. Она не закрывает глаза.

Снаружи она холодная и тяжёлая, как осевший якорь,
внутри – горячая и лёгкая, как песок Мадагаскара.

Под её веками – облака.

Птица мечтает увидеть небо.

На месте, где должно быть сердце – пустой стук.

Если разбить птицу об стену, то останутся только осколки
и сжимающая клюв пружина.

Моя птица не умеет говорить.

Если бы только умела, рассказала бы о млечном пути и
чудесах света.

Она знает, когда придёт весна.

Её аметистовые глаза возвращают солнцу лучи. Когда
птицы летят домой, внутри себя моя птица встречает каж-
дую из них.

Моя птица никогда не будет летать.

Но она создана птицей. С птичьей душой, но земным ша-

ром вместо сердца.

Моя птица умеет только мечтать.

У моей птицы нет клетки.

Единственная её клетка – мои руки.

Она никуда не улетит от меня.

Каждую ночь мне снилось, что вокруг подушки прыгает пульс, готовый взлететь к небесам.

Я открывал глаза. В комнате только я и птица.

Птица и я.

Я разбил птицу о стену своих снов.

От моей птицы остались осколки, сжимающая клюв пружина и сердце.

Теперь моя птица будет летать.

ребенок 21 / чудаки

1 / you

Однажды во сне я разгадал твой принцип пережившей весну снежинки.

У тебя есть смешной чудаки, от которого никогда не станет тепло, потому что он чудаки.

У чудака под лопатками огромный маяк, о котором он даже не подозревает.

Только по ночам чудаки просыпается от спазмов.

Это корабли внутри него не находят берега в бурю и разбиваются о ребра.

По утрам из чудака летят крики чаек. Это птицы не находят убежища от пенистых волн. У птиц ломаются крылья. Волны приносят на берег перья цвета последнего снега.

Зачем же чудаку маяк, если никто не видит его света?

Маяк разбивает корабли.

Маяк ломает ребра.

Маяк распускает птиц.

1 / 1 you

В тебе моя весна

Переливается из правого лёгкого в левое.

Кто я кто я?

Я бабочка

которую ты держишь

в стеклянной банке.

Завтра ты заполнишь банку водой

Из реки

И поставишь в банку фиалок.

Танец пахнет апрелем.

Я умею любить легкими.

2 / you

Чудак может утром забыть о тебе.

А ночью может вспомнить

Как вспоминают о героях полузабытой недочитанной, но тепло любимой книги.

Которую боялись дочитать только потому,

Что не хотели знать конца истории.

Тогда весь мир рухнет в прошлое.

И смысл каждой пережитой буквы рухнет в прошлое.

Бесконечность.

2 / 1 you

Все твои вены.

Это Миссури

Дунай

Нил.

Не прикроют и моего мизинца,

Будь они

Накручиваемой пряжей

Вот и вся моя бесконечность.

2 / 2 you

Моя любовь к тебе под знаком выпадающего вместе с
пломбой зуба.

Без тебя нельзя.

Ни при каких обстоятельствах.

Если по стороне сердца нет тебя

= меня нет.

Я быстрее поверю в отсутствие сердца,

Чем.

3 / you

В своей голове я каждую ночь спасал зеленых кашалотов.

Ты обиженно поворачивалась ко мне лопатками. Каждую
минуту, пока я обнимал тебя, в океане погибал один зеленый
кашалот.

Но рядом с тобой я забывал о кашалотах.
И об океане.
И о себе.

ребенок 20 / религия танцующих детей

Я ловил рыбу на краю земли.

От постоянного движения планеты вода океана то накрывала волнами, то позволяла дышать.

Вдоль берега, утопая в песке больше, чем в воде, барахтался маленький позолоченный человек и спрашивал каждого проходящего:

– Вы видите волны? Посмотрите на эти волны над головой!

– Но это же небо! – отвечали ему.

– Это не небо! Это самый настоящий океан!

– волновался человек.

Я ловил рыбу на краю земли.

Не помню наверняка, но на месте, где сейчас ветер и темнота – всегда была ты.

И мне было неважно, какую я поймаю рыбу, крупную как Америка или мелкую как Мадагаскар.

Мне даже неважно, поймаю ли я её или нет.

Если рядом нет тебя, вся моя жизнь – цунами без воды.

А если говорить откровенно (как обнаженная Луна кру-

тится вокруг Земли), Последний раз рыба попалась мне во сне.

Сон был не мой, а моего попутчика.

Когда попутчик уснул, я прыгнул на его ресницы и постиг апокалипсис тишины. Нет ничего тише безнаказанной грозы или обнимающихся волн! Послушайте!

Мы ехали к закату и не боялись ничего, только выпасть с планеты и попасть на Венеру.

Так вот, в обшарпанной тишине на месте своей левой руки я обнаружил удило. Оно было вытянутое тростником. Потому неважно, была у меня наживка или нет, я был рожден поймать рыбу – сном.

Я всегда верил в твои глаза. Вроде того, если в твоих глазах блестит солнце, значит оно существует. Религия танцующих детей. Если бы можно было вымечтать жить в твоих глазах, я б жил.

Утром я пришёл к океану. Но вокруг была такая же шипящая тишина. Я лег в тёплый песок бызучих воспоминаний и оказался у горящего ядра Земли. Ни рыбы, ни волн. Только я и твои мягкие волосы на моём лице.

– Ты трогал сердце, горячее моего? Спросила Земля.

– Трогал, Земля.

Отвечал я и просыпался без тебя. Без твоих волос на моём лице. На краю земли. В доме из бамбука без окон питающегося тремя ветрами.

Позолоченный человек на берегу океана стал мной. Я даже находил общие черты и привычки, руку-удило, отсутствие рядом с ним тебя.

Когда я остался один, единственной целью моей жизни стало узнать, какую рыбу я поймаю – маленькую как Америка или большую как Мадагаскар.

На краю Земли стоит мой дом. Из стен и свободы. С крышей, через которую можно считать звезды, потому что крыши нет. Я знаю имя каждого созвездия, умирающего и просыпающегося. Созвездиям, у которых нет имён, я даю твоё. Их стало так много, что ночи напролет я только и делаю, что шепчу твоё имя. Вдруг однажды я упаду на одно из них.

В столетия, когда вся рыба сбегает песочными часами из Тихого в Атлантический, я прыгаю к позолоченному человеку и надеваю его кожу. В эти солнечные моменты я становлюсь совершенством: надо мной волны, подо мной солнце. И я не чувствую раскаяния от пребывающей пустоты. Я пою песню от океана океану золотистым голосом золотистых связок и баюкаю лёгкость.

Внутри меня находят дом миллиарды серебряных рыб. Я бы даже вместил в себя кашалота, если бы мне было, чем его удержать.

Я свободен. Значит любой, любящий меня и любимый мною, тоже свободен. Не может быть двух одинаковых рыб, как не может быть вечно крепких сетей.

Когда танцующими пальцами рук я ощущаю вокруг себя

мягкое, значит поднялся ветер и небо волнуется и вырывается из берегов.

В момент, когда солнце под ногами превращается в луну, я возвращаю кожу позолоченному человеку и говорю "спасибо". Он просит не бросаться в него словами. Тогда я подкидываю кожу в океан, и она начинает падать вверх. Позолоченный человек улыбается и начинает ловить её.

Я мчусь в свой дом. Меня ждут созвездия. А значит, и ты ждешь меня.

Бездоннее всех светит созвездие Рыбы.

Его я мечтаю поймать.

Наверное

Потому я ловлю рыбу на краю земли.

Ты моя рыба, созвездие рыб, крыша над головой и отсутствие крыши над головой, океан с бархатными волнами и шумным песком.

У каждого существует свой край земли, на котором есть только он один.

И своя рыба.

И своя ты.

Однажды, когда я поймал рыбу, то не смог удержаться на ногах, потому что потерялся в прозрачной леске удила. И выпал из твоего глаза.

ребенок 19 / внутри нее живут поезда

Внутри неё живут поезда. Я услышал их однажды ночью, когда зрочки не стреляют.

В моём доме нет окон. но есть она. Если бы и были окна, я их все обменял на неё. Пока она видит уссурийских тигров, статуи свободы и колоссов родосских, вагоны съедают расстояние. Вагоны едут домой.

С начала я услышал шорох. Шорох, похожий на жало. Чем меньше я старался его не слышать, тем больше он хотел быть услышанным мною. / Семьи укладывают чемоданы в салон поезда. Отец берет дочь на руки и вытирает ей мокрые ресницы, чтобы она не видела его / Друзья обнимаются плечами и хотят танцевать; того, что повыше, в вагоне ждёт грустный старый чай и веселый новый друг / Выпадающий из окна босой мальчик повторяет теплой мягкой женщине с глазами-ветками новые почтовые цифры; она будет писать ему такие же тёплые мягкие письма, как домашние подушки / Выросшая из твидового платья девочка поднимается на подножку и спиной просит падающего ниже асфальта сгорающего мальчика больше никогда ему не сниться.

Потом шорох вытянулся и стал гулом / Много дыма / печи трескаются углем / поезд мечтает убежать из тусклого города / Вагонные двери прощаются, ладони забираются воздухом / Поезд бежит.

Потом гул превратился в засыпающий шепот / маленькая девочка на жеваном желтом листе рисует цветными карандашами отца – у неё больше никогда не будет отца / друг ло-

вит из рюкзака Достоевского и решается его выпить за время предстоящего метельного пути – у него больше никогда не будет лучшего друга / девочка из твидового платья мечтает увидеть сон, где мальчик дернет её за юбку и она останется – у неё больше никогда не будет мальчика, который будет хотеть её удержать / мальчику слезно от того, что пропел матери неверный адрес – у него больше никогда не будет домашних писем.

Шепот остановился в полночь на перроне. Со стуком колёс остановился стук сердца. Людям снились домашние сны на многолетних поездных подушках. Людям снилось, как поезд едет домой.

Внутри неё живут поезда.

Поезда, которые едут домой.

Ты мой дом.

ребенок 18 / маленький сладкий Арсо

Живет на свете маленький сладкий Арсо. У него есть две сладких руки, две сладких ноги, барабанный сладкий живот, большая сладкая голова и широкая сладкая улыбка.

За моим окном, смотрящим в город, каждое утро кто-то плачет. Меня этот плач бьет. Возможно, удары были бы слабее, не живи я на пятом этаже. От этого плача на морозном стекле проявляется солнечное и тает.

Когда я не смотрю в глаза, зрачок мечется по плоскости тел, и не отыскав, за что бы ухватиться, отчаивается и прячется. Тогда-то я прикрываю веки и близость обретает смысл.

В одно дребезжащее утро я хлопнул ногтем безымянного по стеклу, и плач захлебнулся. Лавандовое внутри меня затлело. А значит, внутри задышалось удивлением. Теперь каждое утро в ответ на слезы я прихлопывал ногтем безымянного по стеклу, и удивлялся. Больше – не прекращению плача, а своему подкожному удивлению.

За моим окном живет маленький сладкий Арсо. От чужих слез он – смеется. От своих слез – тает. Потому из двух крайностей выбирает свою крайность.

Маленький сладкий Арсо появился из воды. Из миллиарда золотых рыб в океанах. Он блестит на солнце. Прыгает голыми пятками на солнце, перекидывает его с одной стороны земли на другую. Он, по-видимому, и есть само солнце.

А может быть, маленький сладкий Арсо появился из сна. Когда у людей копится слишком много нерастраченного сна под веками, растет, сладкой ватой на палочку, теплый ком. Это и есть маленький сладкий Арсо.

Маленький сладкий Арсо возвращает чужие соленые слезы, а взамен отдает берегам свои, сладко-кунжутные.

– Пока плачет сладкий Арсо, ты, безымянный, никогда не заплачешь.

– Но так много людей. Так много слез. И ты, всего один

на все реки миров.

– Я только твой Арсо. Я возвращаю твои реки мирам внутри тебя. Мои части разбросаны по дышащему глобусу. Если бы бог сжал меня в ладонь, то из-пол пальцев выбежал бы целый Тихий океан.

– Когда я таю, я перепрыгиваю через себя. Есть такая неопровержимая штука – однажды перевернувшись, ты забудешь, что такое пустота.

Маленький сладкий Арсо любит танцевать. Да не просто танцевать, а кружиться до истерии земного ядра.

Однажды я вспомнил про птиц, не долетевших до юга. Они вдыхали воздух и падали трещинами скал. Моя птица внутри вмечтала расправить крылья. Ребра – паутинная клетка. Я – все неудачливые птицы.

Мне стало безупречно тоскливо. Вдруг за окном я услышал тай. Тай выкатывался капля за каплей, переполняя захлебнувшийся мир за стеклами.

Самое время начертить пару букв обо мне.

Я сломанный.

У меня внутри черепица рушится и стены растекаются в знак люцерны. Бежевый бог захватывает последние тонкие косточки и просит зажечь мелодию рождения. В это время маленький сладкий Арсо рисует ветер, сметающий его следы и две сладкие ноги.

Я считаю, человек должен быть смешным. Иначе это уже

не человек, а ресничная драма, опечаленная книга, ночные стоны, обветренные двери, заболоченные окна, блюз без саксофона. Человек – все, что угодно, если он не смешной, но уж точно не человек. Я всегда мечтал быть смешным, но никогда им не был.

Иначе говоря, внутри меня постоянная война. Из которой лишь один выход – слёзы. От моей войны маленькому сладкому Арсо напросто нечем обниматься, тают две сладкие руки.

– Я должен плакать. Я должен смеяться.

– Это мой пожар. Это мои кости.

Когда я родился, я понял, что мир вокруг был ожиданием вдоха. Мое вишневое сердце не засыпая просится в бой. От каждого его толчка цунами съедает Японию за Японией.

Цунами съедает сладкий живот маленького сладкого Арсо.

Меня всегда ломало: как пожар моих континентов под моей почти-кожей может сжечь чужие континенты? Виновнее невиновных. И как было ранее, как будет всегда: я не могу смотреть на то, как тает маленький сладкий Арсо.

Я закрываю шторы. Я закрываю глаза. Я пою. Маленький сладкий Арсо тает. Тают его большая сладкая голова и широкая сладкая улыбка.

когда мне снилось море, я чувствовал чаек на ключицах. они приносили мне странствующий песок и запеченное солнце в клювах.

когда я терял сон, мне было грустно.

когда мне снились крылья, я слышал воздух в лёгких, как стон саксофона на пальцах. крылья дарили мне небо и танец облаков.

когда я выпадал из сна, мне было грустно.

когда мне снились дороги, я ловил самые дерзкие машины и велосипеды, а когда не было ни того ни другого, брел своими двумя. дорога открывала мне свободу и звездную пыль.

когда я выбегал из сна, мне было грустно.

когда мне снились слоны, я прыгал на их масляничные от солнца спины. они везли меня ко всем гаутамам и рисовали сатори носами.

когда я выпрыгивал из сна, мне было грустно.

однажды мне приснилось, что тебя нет рядом со мной.

как же я радовался, что проснулся.

ребенок 16 / последняя любовь

Интересно, что рассказали бы люди после смерти.

Они бы рассказали про последнюю любовь, как живые рассказывают про первую? Последняя любовь, настоящая, как жизнь, своей неуверенной детской походкой и скрипучей

ненадменной нежностью, не иначе как является новой эрой.

Интересно, на что она похожа? А трясутся ли пальцы от прикосновения к последнему совершенству? А в блестящих глазах есть место чему-то, кроме отражения последней любви?

Интересно, люди рассказывают о последнем вдохе? А что последнее – вдох или выдох?

Оставляют ли они воздух, как детские игрушки на чердаке, внутри или выдыхают, даря его новым людям?

А может, люди умирают потому, что кто-то больше них нуждается в источнике жизни?

Почему люди верят в жизнь после смерти, а в жизнь до рождения не верят? Я никакой христианин, потому что я был всегда, независимо от тел, и рая у меня нет.

И почему люди не верят в любовь, когда сами являются дышащим доказательством ее? Любовь тел, любовь душ – что угодно, равнодушия не может быть. Когда тебя любят заранее – ты есть.

Пока тебя любят – ты вечен.

Последняя любовь может разрезать тебя, весь мир, поперек, а внутри окажется совсем другое прошлое. Ты просто смотрел на него другими глазами.

Интересно, что рассказали бы люди после смерти.

Они бы рассказали, что смерти нет?

Вечность души исчисляется последней любовью. Если ты каждую новую жизнь находишь ее, значит, ты будешь жить

бесконечность.

ребенок 15 / 25 кадр

Ждать тебя.

По потолку ходить.

В углу на белой известке – синий круг.

Я его надышал, а потом ел.

Теперь он ест комнату.

И ест меня.

Ждать тебя.

Книги разложены по алфавиту

От Я до ...

Мне тоскливо с самим собой впервые за восемь жизней

Жду девятую, чтобы окончательно

Удостовериться –

Ты остаешься.

Или попросту возвращаешься в каждую из жизней, как
веко обнимает зрачок перед сном.

Ждать тебя.

Как раньше не ждал.

С той же самоотреченностью, впиваясь подбородком в по-
душку.

Никаких снов.

Никаких стен.

Считая слонов перед сном как

Считал белые кружки на твоей блузке из органзы,

Сидя сзади, раздувая волосы воздухом из вспоротого под-
таявшего окна

Скучал по тебе, дыша в семи выдохах от твоего темени.

У меня не было ни матери, ни отца, ни братьев, ни сестер,

Но была семья.

Не было ни бессонницы, ни истерики, ни эха в брошенном
коридоре.

Но была тишина.

Ждать тебя.

На голове стоять.

Как стоят в доме все до единого часы.

Никакой любви до выстрела.

Ни одного выстрела – до преданности.

Мой метроном.

В голову постучали, не дождавшись ответа,

Зашли, не разуваясь,

И на потолок.

Из окна на стены выплескивалось северное сияние.

Обои в синий цветок стали мятными.

Я замечтал обняться с ними.

Северное сияние испугалось, захлопало, втекло обратно
в окно.

Раненых – любить –

Они срастаются.

Бесцветных – любить –

Они меняют
Меняются.

Ждать тебя.

Обрастать по-детски ласковой кожей.

Греться о по-матерински распахнутые окна, вспоротые теплом, сбегаящие наружу небесно-мягкими занавесками. Занавески похожи на крылья. Они летают маминым голосом. Потому-то я и считал свою маму птицей, но не находил совершенно никаких признаков пернатости, кроме голоса, зовущего меня до смерти солнца домой.

Пока я на каждую темноту убаюкивал щеки ресницами, мама пеленала комнату до легкости кокона. Чтобы я во снах не упустил тебя.

Не упустить тебя. Закат расходился бордовым по книжным полкам и подушке. Я задыхался его безжалостностью.

Ждал тебя.

Ждать тебя. Солнце срослось с пальцами,
Закрывающими глаза.

Я помню мои выцветшие пальцы на твоём по-детски аляпистом платье

(Млечное пятно на глазном яблоке).

Юбка развивается, падает на острые колени.

Ветер нападает на мое лицо, прячет его в тебя.

Колени держали меня и мою истерику.

Только бы не разлиться,

А разлившись – не иссохнуть.

Я тебя удержу, выточенный.

Падай в меня.

Твоя юбка

Сейчас

Отражается на стенах сонной комнаты.

Будто сетчатка сохранила и сейчас ждет: сопоставить
млечное и настоящее.

Я все корабли, которые не доплыли до тебя.

Каждый из кораблей.

Помнишь, ты обещала любить меня до океанов?

Океан в моей комнате, перекачивается.

Не стучись.

ребенок 14 / 4 выстрела о тебе

– и куда же он собрался стрелять таким маленьким сердцем?

– совсем крошечным сердцем!

– сроду никуда не попадет!

– ничего-ничего не поразит!

– да разве кого-нибудь сейчас удивишь каким-то сердцем!

– смешно!

– и все же не стоит рисковать...

– не стоит рисковать!

- ...сумасшедшие своих слов на ветер не бросают...
- не бросают!
- ...и сердце тоже!
- и сердце тоже!
- стреляйте!

Первый ударил. Попал невпопад в руку.
Рука застонала, остановилась, решила – довольно.
Пульс испугался, спрятался, выжил, попробовал – порох.
Порох распутал вены, просясь наружу.
Я обвязал свою руку звонкой ромашкой.
В ней распускалось смелое смуглое лето.
Я нашептал лету – нет нет нет, не кончатся.
Слишком большого тепла мне бы стоило это!
Я нашептал ему выжить в богом забытом теле,
Сжать мои клетки объятъем – безумней стали.
Лето смеялось, лето шуршало в небо:
Бог заходил к тебе и в тебе остался!

Второй ударил. Второй угодил точно в шею.
Соседом артерии, той, что впускает сны.
Я никогда ни в кого не верил, никогда ни о чем не просил,
А сейчас умоляю:
Боже, верни мне сны.
Пересчитываю каждый день все твои косточки перед
СНОМ.

По памяти пальцев, без отпечатков, (читай – босиком).
И если меня без тебя что-то вдруг растревожит,
Я лягу в воспоминания и обрасту новой кожей.

Третий ударил. Третий попал метко в ногу.
Нога удивилась, попрыгала на восток.
Я как умел, беспощадно, тебя берег.
Не отходя ни на шаг, ни за порог.
А нога ухватилась ревниво за гибкость земли,
У ноги было сотни причин для побега.
Когда стану кипельней первого снега,
Ты назад меня забери.

Четвертый ударил.
Но ему я попасть не позволил.
Мое сердце кричало от возмущения,
Билось от боли.
И назад отшвырнуло ему инородную пулю.
Какая жу пуля – дура!
И ты – дура.

Мыльное, ласковое, многодетное сердце.
И если крик чаек – странствие песка с привкусом моря,
То сердце мое – лагерь солдат в поле
В ночь перед боем.

/ А ночью чья-то легкая ладонь свалилась мне между лопаток, прихлопывая: "наутро все станет чистым, настолько, что выпавшего снега не заметишь". /
Ружья стреляют пулями (а кажется – кровью).
Если всего лишь Я тебя не достоин.
Мое многоводное сердце – достойно.

/ Сердце вырастает
Вырастает, как ребенок
И уходит
Уходит из дома.
Из-под ресниц выкатывается.
Теплым, граненым зрачком. /

Привет.

Главное: мой личный бог из ребер собирает для тебя букет.

ребенок 13 / альраун

Я сидел на стуле и упал.

Упал и разлетелся.

В ярко-освещенном зале звенел острый как игла голос. Он отражался от стен и запрыгивал в уши.

Когда я упал и разлетелся, никто не услышал. Даже женщина в черной смешной шляпке с бардово-кричащим плат-

ком на шее, вращающая до моего краха голову как на шарнире, застыла. Было непонятно, дышащая она или пластмассовая. А сейчас, когда я упал, она будто бы и ресницы не сводила вместе.

Голова отпрыгнула под стул соседнего мальчика. Он болтал ногами и туфлей правой ноги задевал мой мягкий нос. Мальчик бил и бил мое лицо, не обращая совершенно никакого внимания на теплую преграду. Все бы ничего, но мне было не то, чтобы больно, неприятно-определенно. Еще этот мой хрустяще-выглаженный воротничок смотрелся потерянной чайкой под пыльной ступней ребенка.

Зачем я всегда слушаю маму? (Теми самыми ушами, которые сейчас катает по полу это короткошортное создание).

Правая рука отлетела к каблуку бронзово-матерчатого старика. Все лицо его заселили морщины. Они будто пришли не по очереди, а сразу все вместе, настолько удивленно-усталым выглядело лицо. Мои пальцы обняли пустую щиколотку и пытались поднять руку. Но старик, видимо, принял мои движения за нечто параноидальное, с возрастом учащающееся, потер щиколотку одной ноги об другую, расщекотав мое смешное запястье.

Я слышал эхо голоса. Голоса, который лился ртутью, и, проникая в глотку, рвался обратно, сквозь зубы, на паркет.

Левая рука отпрыгнула на юбку матери семицветного семейства. Рядом, черной кляксой на фоне ее пшенично-сожженных волос, дрожал отец семейства. Он держался за по-

катое плечо супруги и раскидывал свои усы во все координаты лица, навязчиво набрасывая на спицы теорию счастья о большой семье. У них, кстати, семь детей. Из них шесть – во мне. Седьмой – ползает по паркету, воруя ладошками солнечных зайчиков.

Я думал о том, как тепло быть ветреным, скомканно-ласковым. В небо подбросишь себя – как богом поцелованный.

Голос дышал мной. Я сам растекался и сам в себе тонул.

Мое сердце отпрыгнуло к потолку и прилипло люстрой к куполу. Снова – смешно. Вместе с сердцем билась вся комната, вместе с комнатой бился пульс во всех висках всех присутствующих, а я тем временем бился за цельного себя. Из сердца шел снег. Он падал на серые макушки и забывал таять. Все слушали кипельно выбеленный голос, даже снег слушал.

Один я искался.

Голос трескался внутрь меня. Мне больше не вынести и меньше не удержать.

Я открыл глаза, когда ребенок откинул мою голову к стене.

Это был мой голос.

Это я говорил.

ребенок 12 / моя мама знает

Моя мама знает.

У меня сводит руки.

У меня сводит голос.

У меня сводит землю из-под ступней.

Обними меня.

Обними меня.

Я млечный. Я искренний.

Моя мама знает.

/ если человека не обнимать –
он высыхает.

Мое недозревшее гранатовое Я взорвалось кисло-вулканическим. Кажется, это было сердце. Кажется, это было сердцем птицы. Птица летела туда, где ее никогда не будет. Она это знала, но все равно летела. Нас никогда нигде нет.

У меня убегает кожа.

У меня убегают брови.

Из меня убегают дети.

Верни меня.

Верни меня.

Я песочный. Я ласковый.

Моя мама знает.

В каждом мы оставляем по острой одинокой части себя. Так солдат проносит в плече обреченную на оседлость пулю через всю войну. Так кит бережет ледяную колючую океаническую воду в солнечном себе. Так я никогда не отпущу тебя

из-под своих век.

Хватайся за ресницы.

/ обещаю не моргать.

Это были наши дети. Я пришел забрать их из тебя.

И во мне.

Во мне были дети.

Во мне были наши дети.

/ во мне были дети целого мира.

Самый первый был низок ростом, стонал и перекатывался. Так в нашем доме жила тоска. Она тосковала (если вслух – таскала/таскалась/перетаскивалась) с места на место и вращалась в стены. Вот таким был первый. Я его вырывал, рубил, резал, выкорчевывал, раскидывал по себе поперек, вдоль, диагонально, пирамидально, в ладонях сжимал – ничего не помогало. Только фосфорные корни светились по твоим пальцам в песочно-лазурной комнате. Все тонет. Он тонет.

Я тону.

Моя мама знает.

Второй никогда не останавливался. Его я беззаботнее всех не знал. Брови – взброс, кудри – в облаках, глаза – паутинные (с сотней сотен мастеров по всему бытию и особенно – небытию). В одну треть доли секунды я ставил иглу в значимое место на пластинке, вторую треть доли испарялось не то,

чтобы само значимое место (исчезала сама пластинка), третью треть доли – я ломался.

Я ломаюсь.

Я плавлюсь.

Я прекращаю ждать.

Моя мама знает.

Третий был самым сыпучим, как белозубый песок, самым теплым, как недозревшее солнце. Одним словом, самым любимым (двумя словами: самым любящим). Я его громче прижимал, тише выпускал из Я (боясь признаться самому себе, что посмел разомкнуть навеки сращенное).

Я отпускаю тебя.

Я отпускаю себя.

Я отпускаю детей.

Моя мама знает.

Я задуваю себя.

– чудесная была свеча.

– великолепная была свеча.

Моя мама знает.

Моя мама знает

Как

Убегают

Дети.

ребенок 11 / дерево

Я то самое дерево, что умеет летать.

То самое, что растет корнями в воздух.

Знаете, каждый раз, когда мы выпускаем кого-то в себя, внутри вырастает одно дерево.

Я то самое дерево, что вырастило планету.

То самое дерево, которое корнями обнимало ее, а затем разомкнуло объятия.

Знаете, каждый раз, когда мы отпускаем кого-то из себя, снаружи появляется дышащее. Так всегда бывает. Как если из-под ног человека выбить землю, словно мяч, человек сам станет планетой.

Я то самое дерево, что умеет ждать.

То самое дерево, что птицей летит домой с самого-самого юга.

Каждый раз, когда кто-то касается нашего дыхания, сны становятся памятью, память становится листьями, листья забирает осень.

Если пришла осень, это не значит, что дерево одиноко без своих листьев.

Я летаю с моими листьями.

С каждым листом.

Я то самое дерево, что умеет летать.

То самое, что растет корнями в воздух.

ребенок 10 / все слоны ушли на север

Тихо тихо тихо.

Тихо тихо тихо.

Тихо тихо тихо.

Все слоны ушли на север.

Все-все-все слоны взяли и ушли на север.

Они уходили миллиардами теплых ушей и звонких носов, брали, и уходили.

Слоны уходили разогреть льдины. Слоны уходили выпить всю соленую воду. Они уходили и забирали с собой своих детей, чтобы привязать их к теплу и людям.

Слоны поднимали головы и уходили.

Слонам больше не было дома.

У слонов в носсах набралось преданности – на сто шесть планет вперед. На сто шесть планет и людей на них.

Слонов звала вода.

Много холодной воды.

Знаете, как умеет звать вода?

А слоны знают.

Все слоны ушли на север.

Все-все-все слоны взяли и ушли на север.

Они уходили и уносили с собой всю нежность.

Они уходили, и за ними топало небо.

Слоны уходили разогреть льдины.

Слоны уходили выпить всю соленую воду.

Слишком много ее спряталось в лед.

Слишком много соленой воды.

Слоны уходили и забирали с собой своих детей, чтобы привязать их к теплу и людям.

Слонам катилось помогать солнце.

Тихо тихо тихо.

Тихо тихо тихо.

Тихо тихо тихо.

Все слоны ушли на север.

Если вы увидите на ледниках слонов, значит

Скоро будет теплее.

ребенок 9 / мой папа – сойка

Когда держишь на руках другого человека, прижав плотно к груди, не разберешь, чье сердце бьется сильнее – твое или его, потому сердце становится общим.

Когда держишь другого человека в сердце, то человек становится тобой, само сердце – птичьим.

А когда сердце птичье, ты сам – крылатый.

Птицы взяли и сошли с ума. Вяли на каждом шагу разноцветными букетами.

Весна пришла неожиданно. А вместе с ней неожиданно попадали все-все птицы мира.

Остался только папа.

Да,

Мой папа – сойка.

Знаете, когда-то в детстве читал, что самые золотистые птицы во всем небе – папы. Так и есть. Это не папа птица, а птица – он.

Знаете, кто он, помимо птицы?

Он человек, который всегда со мной. Который всегда во мне. Он собирает из легких воздушные шары и отпускает меня странствовать по миру. Сегодня я – в небе.

А где окажусь завтра, если вдруг мои уши – северный и южный полюса! Попробуй собери такого человека. Попробуй заставить поверить такого человека в важность теорем высшей математики, правил правописания, законов гравитации.

Он каждый раз залетает в дом и звенит:

– Немедленно слезай с потолка, мы едем в Амстердам! Там карамель на Синем мосту – фантастика, как китайские

фонарики в Антарктиде! Посмотри-ка, все обои своими острыми пятками протер, быстрее слезай, кому говорю!

Потолок был нежно-закатным когда-то, то ли от новизны, то ли от того, что рядом было лето.

– Да и черт с ним, с потолком, нам он больше не будет нужен. Собирайся же! Когда ты в дороге, ты никому ничего не должен. Тебя ничто не волнует, никто не трясет. Лодка в океане, без внешних бурь, взлелеенная волнами. Единственная опасность – буря внутри нее (как всегда и случается в жизни двуногих). Слезай немедленно! Ты слишком глазастый для своих лет..

Он знает, какой?

Такой человек умеет только смеяться! Сквозь таких людей можно посчитать птиц, пролетающих за их спиной, далеко-далеко на юг. Он обнимает мир. Он больше мира.

Папа научил меня улыбаться, когда очень-очень больно. Потому, видя улыбающихся людей, я думал, что им наверное больнее некуда, а смеющихся и вовсе приписывал к смертельно-больным.

– Ты только создавай свои миры, закапывайся в них, впадай. Я для этого куплю тебе какие угодно игрушки. По стенам прыгай, никого не слушайся, меня не слушайся.

Он появляется всегда не там, где хочет, а там, где его ждут и хотят видеть. Потому папа всегда в моей руке, я перебираю

его четками, теми, с глазастыми бусинами, для строя отточенных мантр.

– Есть такие люди, которые несутся, как флаг, и считают себя достоянием, тогда как достояние – страна, которую они представляют, а не какая-то до безумия самоуверенно-разноцветная тряпка. Ты не имеешь права, понимаешь, не имеешь совершенно никакого права нести пустого себя. Лучше вообще не иди, если внутри – пустыня.

– Но ведь и в пустыне много песка!

– Но даже ни в одной самой маленькой песчинке нет пустыни.

Мы с папой заметили, что, если смотреть человеку в душу, а не в глаза, то земля теряет свою форму.

– А что, если земля – это вечная мерзлота? Что будет, когда растает земля? Куда будут капать люди? Ведь они должны куда-то стекаться все вместе. Сидим сейчас с тобой здесь, под дождем, пьем чай, а чей-то дом в это время попросту тает, а мы любимся на дождь, когда возможно людям больно.

Людам где-то больно, он знает это и без крыльев. Ему самому больнее всех, потому что он всегда улыбается. И не смейте держать его, трогать его, копать в него. у него душа недозревшего граната! Он, знаете ли, такой красный, надменно-кислый, но по-детски ласков.

Бывают ночи, когда я, проходя, мимо комнаты папы, смотрю в дверной проем и вижу в темноте его белую мягкую руку. Страшно хочется зайти и дотронуться до этого облака, но

заботливо страшно боюсь его разбудить. Потому на кончиках пальцев пробираюсь по стенам, полу, потолку – дальше, дальше, к свету. От настоящего, чистого – к свету.

Когда держишь в руках птицу, то не разберешь, ты в гнезде или гнездо внутри тебя.

Когда птица держит тебя в своем сердце, ты становишься птенцом, попросту – равным.

Но не смейте держать птицу! Она все равно улетит. Цените гнездо, которое она свила внутри вас. Ждите ее. Цените место, которое она греет перед сном крылом в своем гнезде, для вас, ожидая.

Мой папа-птица. Птица-сойка. Птица-бунтарь. Птица-я.

ребенок 8 / мы ехали в какую-то страну

Когда я нашел себя, был, кажется, май.

Мы ехали в какую-то страну вкуса солнца и смеха моря. В ней пели гимны разноцветным пальцам. Отчего-то люди в этой стране принимали на веру две шутки: что мир был создан рукообладающими, и что я не люблю тебя.

Когда я нашел себя, ты была сбоку, спящая, доверившая мысли моему плечу.

Мы ехали в какую-то страну цвета чаек и голоса ветра.
Мы ехали оставить себя в ней.

Я пытался задержать внутри воду, не дать ей вылиться, но ничего не получалось, потому попросту промокал щеки рукавом и считал за тебя слонов.

Когда я нашел себя, было тепло. Это было во мне, и оно меня делало. Знаешь, как мастерят журавлей из бумаги, а потом подвешивают на нитке к потолку и пускают к ним ветер. Нигде не было нитки. А значит и меня нигде не было.

Когда я нашел себя, было смешно. Я был в твоём сне. А если я кому-то снюсь, значит я где-то есть. За окнами плакали рельсы, снег прятался в землю и появлялся снова, люди меняли религии, языки, кожу, а я обретал себя.

Когда я нашел себя, был, кажется, май. Мы ехали, чтобы самая теплая страна на свете поняла, как я люблю тебя исчерченными календарями и слепыми окнами многоэтажек. Я нашел себя в твоей голове.

Мы ехали, чтобы ты поняла, как я люблю тебя.

ребенок 7 / самая лучшая рыба на свете

Я положил письмо в конверт. А конверт в почтовый ящик.

У нас в городе есть такая сонная синяя металлическая ко-

робка на стене заплаканно-блочного дома. В нее люди приносят слова, которых никогда не скажут.

Знаете, это самая большая коробка, которую я когда-либо в жизни видел.

Сначала она росла из дома, а потом дом стал расти из нее.

Коробка глотала и глотала слова, не пережевывая, и превращалась в настоящий город. Я – почтальон, ношу письма к коробке. Но, кажется, скоро мне некуда будет идти, коробка будет повсюду. Когда я понял это, то замолчал.

Город в свое время вылез из океана. Океан был глубокий-глубокий. Когда я перестал говорить с людьми, то превратился в рыбу, а если быть честнее, в целый океан с рыбой. Я шел, а волны внутри танцевали с такой силой, что половина выплескивалась из глаз. Люди молчали все острее и острее, ручки скрипели все противнее и противнее, и именно тогда я встретил ее. Мою говорящую рыбу.

Рыба подняла нос, разложила по воде жабры, начала вращаться против часовой стрелки, и смотрела, как луна крутится вокруг ее головы.

– На самом деле, когда я верчусь, луна вертится в ответ. Потому, пока я и она двигаемся, время

– останавливается и мы обе, мы – бездвижны, мы – в покое. Ты не поймешь, ты не почувствуешь, пока не покру-

тишься. Крутись!

Я остановился и уронил мешок с письмами.

И закрутился. Покой был внутри, он поднимался к небу и дальше неба, туда, где кончается земное и начинается общее.

Рыба говорила:

– Когда будет страшно, крутись.

– Так я кручусь!

– И крутись!

Кручусь.

Город будто перестал существовать.

Какая это была рыба!

Мы стали плавать наперегонки и дразнить друг друга, а люди думали, что это цунами. Пугались, знаете, так забавно, а я нес конверты и выкрикивал имена. Тела прятались по углам коробковых домов, поджигали их, превращая в темную пыльцу свои смешные имена.

А рыбе в правый глаз однажды запрыгнула сухая песчинка с берега и начала жить, превратилась в Землю, в огромный шар. Я смотрел в зрачок, и казалось, это Земля смотрит в меня и трогает ресницами.

А ведь это была лучшая рыба в моей жизни! Знаете, как она умела рассказывать? Не рассказывала – пела! Никогда не слышат таких слов от людей!

– А у нас тут такая луна! Океан вот-вот выплеснется наружу! Смотри-смотри, какое на небе отражение, яркое, сон-

ное, ее.

Какая это была рыба!

Никогда не грустила и была самой океанической рыбой, а с виду – обычный карась! И я с ней рядом никогда не печалился не потому, что она вынуждала (нет-нет-нет!), а потому, что не грызло внутри.

Какая была рыба!

– Ты знаешь, откуда падает снег?

Я знаю. Я видела. Я поделюсь.

Через воду видно все значительно белее.

Каждый раз, когда на земле кто-то рождается, повсюду в галактике разливается белое. Оно выращивает существо, пока то не окрепнет, а потом будто бы исчезает. Но на самом деле это не так. Белое вовсе не белое, и оно бережет человека, как орбита – планету. Когда какой-то человек идет по своему пути, или когда какая-то рыба плывет против своего течения (что, собственно, одно и то же), образуется одна снежинка. Белое отдает наружу сахарную часть себя.

И вот когда снежинок собирается целая толпа, выпадает снег.

Рыба вздыхала:

– Видишь, как давно не было снега.

– Но ведь со снегом придет лед и ты не сможешь смотреть на луну.

– Кто сказал, что я буду подо льдом? Круговорот воды.

Круговорот воды!

Круговорот слов.

Когда я познакомился с рыбой, то прекратил перетаскивать несказанные слова и раскидывал конверты по улицам. Люди стали читать друг друга, но молчали.

Какая была рыба! Как она говорила! Но никто, совсем никто не верил в говорящую рыбу. Все писали на клочках и носили ночами конверты к коробке.

А потом я ее съел, потому что в мире кроме меня и нее говорящих никого не осталось.

И я был готов не говорить вовсе, чем говорить с рыбой.

Замечательная была рыба, без костей, но сильная, как бамбук, на ветру – не сломаешь, дом построишь – будет висеть, пока жив бамбук.

А потом я сам себя съел своею же грустью, потому что разучился без рыбы говорить.

Я ел и вертелся. Ел и вертелся.

А люди молчали. Молчали. Молчали. И писали письма.

Город молчал спящие слова также громко, как говорила слова моя самая замечательная рыба на свете.

ребенок 6 / религия сердца

ко мне никто и никогда не вращал в голову.

они вращали в сердце.

это как приходиться в гости не в дверь, а в окно.

на протяжении всех жизней – одна религия.

я ее назвал религией сердца.

и молился

не переставая, всегда

всегда.

всегда.

всегда – биение было молитвой.

ребенок 5 / из всех людей, которые я

каждый раз, когда за окном лед, в автобусах – дым и ты

сидишь на месте у окна и делишь с ним тепло. я ловлю

твой взгляд в отражении плачущих стекол.

твой взгляд ложится вслед за снегом на асфальт и

крошечные дома снаружи хлопают и хлопают ресницами,

возвращая снег.

ты наверное ищешь кого-то глобального, кого глазами не

поймать полностью. а тут в сырой маршрутке, с хныкающими детьми и сонными старушками щека к щеке -

варюсь я.

и я – это все они, кричащие и обыкновенные. а еще раз-

бегаюсь по городу вслед за ними.

как же ты меня заметишь, такого летящего в разные стороны.

ты любишь кого-то за стеклом.

я люблю тебя – в стекле.

и, знаешь, кого бы ты там в метели ни ждала,
тебя когда-нибудь встретит бунт
из всех людей,
которые я.

ребенок 4 / эффект плацебо

Сегодня я взрогнул во сне и нежно понял, что обо мне заботятся. Тело еще не рожденное, сознание белое и легкое, как гелиевый шар.

В темноте появилась первая мысль. Сначала она танцевала возле моего слабо сформированного уха, потом вцепилась в него крепко–накрепко, будто боялась исчезнуть. Но куда же она исчезнет из этой теплой темной сферы!

Мысль была настолько огромной, что я не понимал, как она уместилась рядом со мной. Или я вовсе не в замкнутом пространстве и мне просто снится, что пяткам некуда идти и рукам не за что хвататься, кроме себя самого?

И тут я ощутил, что я – не обхватываемый. Мои новые слабые пальцы здесь ни при чем. Открылись глаза, взяли

и сами выкатились зрачками наружу. Мысль цеплялась за клетки и волочилась в меня. Она прогрызала туннель, вносила изменение в природой придуманный организм.

Я осознал – я пылинка в космосе. А когда пылинка в космосе, она становится им самим. Они становятся друг другом.

Это эффект плацебо.

Я существую здесь только потому, что существует другой мир. Тот, что ждет меня.

В этом моя панацея, только вера в возможно несуществующие измерение и руки.

Когда человек появляется на этот свет, в каком-то другом мире он умирает.

Я умираю сейчас.

Меня качали. Теплые руки перешептывались, касаясь то здесь, то там. Это были самые мягкие прикосновения. Пока ты за телесной стеной, вовсе не бетонной или каменной, ты уязвим, как песок во время цунами. Эти руки понимали, что мне страшно. Трогали сказки всему телу. Это были мои первые улыбки. Потому что сказки людей ждущего мира – настоящие жизни отпускающих нас миров.

Эффект плацебо, когда... Понимаете, руки?

Я жду смерти, чтобы жить в ваших объятьях.

ребенок 3 / не танцуй

ради нас
и всего другого,
чего не будет.
пусть у меня будут крепкие нервы,
а у тебя по-прежнему теплые руки.

моему одиночеству, видишь ли, было суждено разделить
нас пополам.

я боюсь быть разлюбленным.
но еще больше – разлюбить.

ради нас
и всего прочего,
чего никогда не случится.
пусть у меня будут сны по ночам,
а у тебя такие же бессонные ключицы.

ты лучше моего знаешь:
когда остаешься один

—

появляются мысли.
я бы стал крысой,
той, в лабиринте.
чтобы носиться-носиться-носиться
и

какого черта этот мир продолжает рвать нас на полушария?

или мы сами делимся?

(на части

или друг другом с холоднокровными незнающими даже нашего имени.

а у нас оно одно было).

не в этом суть.

я боюсь закрыть без тебя

глаза

и не уснуть.

остановись.

выключи свет.

ложись ко мне.

только, ради всего неслучившегося,

не танцуй!

ребенок 2/ человек-с-сердце

Когда я родился, мама закричала, врачи пооткрывали рты

и стали перекидывать меня из рук в руки, как желторотые угли: я был сплошным комком мяса, никаких рук, ног, ушей и всего прочего, что прирастает к телу самостоятельно. Я пульсировал кратером, переливался с бока на бок. За мной наблюдали, но боялись положить горизонтально, дабы не придавить сердце или не перекрыть дыхания. Повесили кусок за веревки, поливали молоком, но больше слезами и лекарствами.

Когда я подросток-когда магия медицины очутилась в артериях, пришла кожа. Я ей понравился, она осталась и привязывалась ко мне с каждым миллиметром все больше и больше.

Родители стонали от радости и чесали губами разрастающиеся куски розового на моем сердце, врачи хлопали в ладони и примеряли нобель.

После кожи одна за другой повылезали руки и ноги, выпрыгивали тут и там зубы, ногти, волосы и ресницы. А я привык к простой жизни, когда ничего не нужно контролировать, кроме стука; когда не нужно ловить то правую руку левой, то левую правой, не надо переставлять ноги, обдумывая и спотыкаясь каждый шаг.

Я становился похожим на людей с каждым днем все выше и выше: смотрел глазами, говорил ртом, трогал руками.

А когда ты сердце – ты просто живой шар, единое целое, чувство. Чувство родилось с первым из близнецов Разум-Сердце.

Не смотря на схожесть с другими, весть обо мне шла на сердцебиение быстрее, и тело постоянно трогали пальцами-глазами и сразу же отбегали, будто боялись взорваться рядом.

Меня спрашивали: "интересно, твое сердце ростом с тебя? Ты и есть оно? Оно растет вместе с твоей кожей или осталось маленьким?". А я не знал. Но с рождения внутри ничего не изменилось, я не был пуст, мое тело пульсировало.

Сердце заполняло все, но не могло расти больше. Ему мешала натянутая упругая пленка человеческих взглядов и приклеенная ко мне оболочка.

Кожа стала обижаться на меня кусочек за кусочком и отворачиваться, люди в белом приносили больше и больше мазей и ампул. Родители плакали темнее, закрывая окна и входные двери от блестящих ртов.

Однажды один честный врач, уходя, улыбнулся: "ваш ребенок никогда не будет нормальным".

Мама рассыпалась на осколки, папа бросился ее собирать, я стал пульсировать тише.

– Что за реакция? Будто я вынес смертный приговор! – врач недоуменно остановился в дверях, посмотрел на меня и улыбнулся.

– Вы только что сделали это, доктор, – сказал в глухой паркет папа.

– Как! Но ведь это прекрасно. Это небесное существо.

Ему не нужен разум, потому что он – сердце! Ваш ребенок – совершенство! – очки доктора, дрожавшие в такт каждой сказанной им букве, спрыгнули с носа и разбежались по паркету. Он подлетел ко мне, прикоснулся ладонью к северо-западной части моего тела. Я ощутил силу, ту бессвязно-искреннюю, которая ничего не умеет, кроме как искриться чувствами. Потому что больше ничего не важно.

Я содрал с себя кожу, отбросив с ней все наросты, и пошел от людей сердцем.

ребенок 1 / теория дыхания

Говоря глубоко, дело во вдохе.

Сумасшествие бездыханности.

Глубоко – это не низко, а высоко в другом месте.

Эверест, может быть, самая глубокая точка кита, доплывшего до самого невиданного дна. Вот это на самом деле глубоко. Не та точка в воде, где темно, как если вниз головой висеть всю жизнь, а точка на обратной стороне планеты, да настолько глубокая, что самая поднебесная.

Все совсем не такое, каким кажется/

Так распускается из омута цветок лотоса. Трусливая рыба всю жизнь видит тонкий стебель в толще пьяной воды, осмелившаяся выпрыгнуть – ловит чудо. Как вдохи, коротко-ко-

ротко, но

Ты совсем не такая, какой кажешься/

Так раскрываются легкие у новорожденного. В маленьком молчаливом существе срастается бесконечность и тянется к свету. Ребенок растет, но первый вдох, первый самостоятельный вдох – дольше и пронзительнее, чем будущая жизнь.

Я рождаюсь.

Ты расширяешься и толкаешь меня изнутри.

Понимаешь?

Я выдыхаю тебя.

Вот и вся теория.